

Из жизни кидал

«Игроки» Олега Меньшикова —
главное событие театрально-светского сезона

*На первое представление меньшешковских «Игроков» по-
пасть было сложно: официальная премьера состоится в ян-
варе, на спектакле было много своих. Но билеты все же про-
давали (они стоили около двух с половиной тысяч рублей), и
после последней реплики хлопали все — и друзья дома, и те,
кого сюда пустили за деньги. Они пришли не на Гоголя, а на
Меньшикова.*

Известия, - 2001,
Алексей ФИЛИППОВ

— 22 дек. — с. 1
Олег Меньшиков гениально придумал самого себя: он понял, что тайна притягательней раскрученного и захватанного газетами и телепередачами актерского лица, и спрятался от журналистов. Добровольное затворничество превратило его в миф. Иногда он появлялся на телеэкране и говорил необычные для отечественного актера вещи: главное — твоя собственная жизнь, а профессия, при всем к ней уважении, дело второе. (Сцена у нас, как известно, храм, театр — дом, и артист не работает, а Служит.)

Потом вышел нашумевший фильм Никиты Михалкова, появился одеколон «Юнкерский», Меньшиков поставил «Горе от ума», выпустил «Кухню». И на него накинудись все кому не лень, ведь он был не обычным, хорошим и популярным артистом, а легендой. Легенда обязана соответствовать себе самой — вышедший к людям Меньшиков должен был явить театральной публике откровение.

А он ставил обычные и к тому же достаточно неровные спектакли. Ставил по-актерски, но с точным антрепренерским прищелом — в «Горе от ума» появилась приобшившаяся к церкви и отказавшаяся было от театра звезда, замечательная Екатерина Васильева.

«Игроки» Гоголя» (в меньшешковском «Театральном товариществе 814» спектакль называется «Гоголь. Игроки») оказались для него не вполне обычной работой — на малой сцене Театра Моссовета прошел ровный, цельный, обладающий и ясной концепцией, и броской театральной формой спектакль.

Действие «Игроков» Меньшиков перенес на Украину — маленькие, тесные, барачные гостиничные комнаты окружены сарайчиками, курятниками и цветущими садочками, герои спектакля співають українську народну пісню. Квакает лягушка, поет птица, собака, как ей и полагается, лает, а серденько донесут аж до хатыночки — Ихарева кинут в идиллическом антураже, под игру переодетых хуторянами солистов Государственного

ансамбля фольклорной музыки. Меньшиков вдоволь пошалил — взятокбратель Псой Стахич Замухрышкин у него стал ширым украинцем, изысняющимся на классической мове. Но смысл «Игроков» никуда не делся — спектакль поставлен о магии и мороке игры, подменяющей реальность. Ихарев играет потому, что в этом суть и смысл его жизни — когда Утешительный и компания его кидают, он оказывается в положении Бонапарта, проигравшего свой Тулон.

Меньшиков придумал множество смешных постановочных штучек, вроде острых тросточек, превращающихся в гусарские сабли, попутайского мундира на шулере Кругеле, курятника, из которого выскакивает Швохнев. Словом, это вполне правильный спектакль — его проблема в том, что актеры пока очень скованны. К самому Меньшикову это не относится — его Утешительный вкрадчив, обворожителен, скроммен, лих, раздумчив и порывист... Меньшиков хотел сыграть симпатичного черта в человеческом обличье, и он у него вышел убедительным. В «Игроках» глава «Театрального товарищества 814» работает отлично — прином жизненным раскладе из него мог бы выйти не просто хороший, а великий артист...

Но это уже совсем другая история.